

7-13 мая 1998   Мария Бабалова

НЕ СТОИТ ЖЕВАТЬ РЕЗИНКУ ВМЕСТО ШОКОЛАДА

Мир узнал Дмитрия Хворостовского в 1989 году, после его абсолютной победы на конкурсе Би-би-си в Кардиффе. В тот же момент он оказался в ловушке публичной любви, которая настигла его однажды и не желает расставаться со своим удачливым пленником до сих пор. Теперь знаменитый русский баритон – культовая фигура из молодого поколения современной оперы.

Дмитрий Хворостовский обосновался с семьей в Лондоне, но бывает там немногим больше, чем в России, косясь по всей планете, почти не выходя из света рампы. Он желанный гость во всех мировых оперных театрах и концертных залах. Он поседел, но не постарел. Стал более улыбчив и, кажется, мудрее и талантливее.

На сей раз певец приезжал в Москву только на три дня для того, чтобы в Большом зале Московской консерватории дать концерт памяти великого русского композитора Георгия Свиридова, музыке которого он посвятил пять последних творческих лет.

Игры с реальностью

- Опера – это игра только для тех, кто сидит в партере, или для вас тоже?

- Не считаю, что развлекаю или обслуживаю людей. Я занимаюсь одной из самых удивительных и важных вещей на этой планете. Это абсолютно не «игра» для меня еще и потому, что, смею надеяться, я очень хорошо умею это делать. На этой «игре» я когда-нибудь могу схватить сердечный приступ и тут же умереть.

- Наверное, не случайно считается, что все гениальное, суперталантливое может быть сделано только на пике нездоровья?

- Скорее всего, не на пике нездоровья, а на переломе реального и нереального. А значит, логического и нелогического. Экстремальность состояния рождает талантливость и катализирует процесс творения.

- Экстремальное состояние можно вызвать искусственно в любой момент, по первому требованию?

- Как правило, да. Но не думаю, чтобы по первому требованию. Говорят, правда, что Чайковский этого не признавал и творил каждый день. Но я не верю, что у Чайковского все было проще. Может быть, звезды спасают нас или стечение обстоятельств. Даже гениальные люди не могут постоянно творить гениально.

- Что происходит, когда от многократного повторения вокруг привыкаешь к мысли, что талантлив?

- Не привыкаешь. Ты должен доказывать свою талантливость, свой дар всякий раз, появляясь на сцене. То есть приходиться со своей профессиональной выучкой на сцену и через два часа спектакля, борясь с неизвестностью, с собственной талантливостью или бездарностью, убедить не только публику, но и самого себя в собственном таланте.

- А можно полюбить свой талант?

- Не знаю. Некоторые любят. Я не могу. Я человек очень сомневающийся, и в себе, и в других людях тоже. И чем дальше, тем больше.

- Вы любите рисковать?

- Конечно. Я только этим и занимаюсь. Но, как правило, я планирую свой риск. И определенный отрезок времени проживаю с ожиданием риска. Очень интересно именно преодоление этого момента.

- Реальность всегда богаче ожидания?

- Да. Но реальность подготавливаемая, переходящая из нереальности, мне прежде всего интересна. Потому что, как правило, подготовленные фантазии чаще разбиваются в прах. Лишь изредка что-то подтверждается. А тогда тем более вдвойне интересно.

- Можно сделать карьеру, пропорциональную таланту?

- Очень сомневаюсь в этом. Все зависит от многих вещей, прежде всего от обстоятельств места и времени, от удачи. Настоящая карьера столько же уникальна, как и настоящий талант.

- Что вы сегодня боитесь потерять?

- Голос. Все остальное у меня уже есть. Ничего не потеряю.

- Считается, что пение – не слишком полезное занятие для голоса...

- Конечно. Перегрузки никогда никому не помогали. А оперное пение связано с огромными перегрузками. Поэтому у многих певцов под конец карьеры возникают всякие-разные «интересные» заболевания. Типа эмфиземы легких, например. Хотя, казалось бы, наоборот, такая гимнастика в течение всей жизни.

Анатомия амбиций

- Вам чего-нибудь не хватает сегодня?

- Денег. Но они мне не нужны для карьеры. Они мне нужны для жизни.

- Мировой оперной знаменитости работа не приносит такого количества дензнаков, чтобы о них просто не думать?

- К сожалению, чем больше знаком, тем больше о них думаешь. Хотя, конечно, не такая уж важная проблема. Просто есть определенные нужды, которые заставляют думать об этих самых знаках чуть-чуть больше, чем хотелось бы. Но, в принципе, это все ерунда.

- Свой нынешний творческий график вы строите по репертуарному или географическому предпочтению?

- И то, и другое необходимо учитывать. География важна в том смысле, что интересно, конечно, побывать с N-ске в первый или во второй раз в жизни, но гораздо интереснее быть в «Metropolitan» или «Covent-Garden» каждый год. С другой стороны, репертуарный вопрос тоже очень-очень важен, так как я продолжаю высчитывать свои шаги, чтобы не завязнуть в «старом» репертуаре. Удивить прежде всего самого себя. Сделать что-то непредсказуемое, потraфить своим собственным музыкальным интересам, своим амбициям, что тоже очень важно. - Какие в этом плане шансы у России?

- Я вполне реально обращаю свой взгляд на Россию, чему свидетельство – мои постоянные контакты с Мариинским театром. И думаю, что в ближайшее время очень многое должно измениться. Буквально сразу после того как первый раз спою Дон Жуана в январе следующего года в Женеве. Я там никогда не был. По ленинским местам Швейцарии много ездил, а до Женевы еще не доехал. Хотя, без шуток, и сезон 1999/2000 года, и 2001 год – очень напряженные. Но я совершенно серьезно собираюсь выбирать моменты и достаточно длительные отрезки времени для России: гастролы, записи и так далее. В нынешнем июне у меня четыре концерта в бывшем СССР – в Петербурге, Киеве, Минске и Таллине.

- Значит, сейчас ваши обязанности сильнее права выбирать?

- Мои обязанности абсолютно идентичны моему графику. Надо очень много сделать. Чем дальше, тем больше. Но я еду только по тем контрактам, которые выбрал сам. Опять же не будем говорить об N-Будем иметь в виду Вену, Лондон, Париж, Нью-Йорк, все-таки приходится учитывать то, что будет там ставиться на протяжении хотя бы двух-трех ближайших сезонов. В этих пределах, к сожалению, выбор ограничен. Но, в принципе, есть и что, и где выбирать: благодаря каким-то конкретным завоеваниям в моей карьере я обладаю определенной свободой.

Роль личности в истории

- Вы ощущаете внутренний конфликт лирического голоса и драматической природы?

- Да, но считаю, что способен найти баланс в этом дисбалансе. Это, скорее всего, вещи не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга. Как раз на грани определенных амплуа, как голосовых, так и чисто характерных, актерских, может появиться очень много интересного и непредсказуемого. Мой голос однозначно предпочитает Верди, Доницетти - итальянский язык. Многие говорят, что на мой голос прекрасно легла бы музыка французских композиторов. Я так не считаю. А вообще, видимо, я предпочитаю того композитора, над чьим произведением сейчас непосредственно работаю. Этот процесс настолько увлекателен, что прохладное, профессионально заинтересованное отношение перерастает в нечто более близкое.

- Значит, для вас сегодня – это момент «Разбойников» Верди, которых вы готовите для «Covent-Garden»?

- «Разбойники» - переходный этап. Хотя это достаточно любопытная своей провокационностью работа. В принципе, это не то, чем я думаю заниматься в

последующие годы моей карьеры. Я не собираюсь останавливаться, допустим, на нескольких операх раннего Верди. Я только хочу попробовать одну или две партии, а потом перейти к более позднему Верди, которого гораздо интереснее исполнять не только вокально, но и чисто актерски, драматургически.

- Постоянные столкновения с требованиями режиссера, дирижера в сумме с композиторской волей позволяют сохранять личностную целостность чувств?

- Еще как позволяют! Я очень счастлив, что этот пресс, иногда двойной, иногда тройной, на меня не так сильно давил раньше. А сейчас я вполне научился быть внешне достаточно коммуникабельным и предупредительно вежливым. Внутренне же, поверьте, я сохраняю не относительную, а полную свободу в выборе решающих средств. Иногда это происходит спонтанно, иногда - в какой-то борьбе, в спорах. Но в результате вытекающие из них выводы или приемы - только мои. Ни дирижер, ни режиссер не залезут ко мне в душу.

- Вы когда-нибудь приближались к той границе, когда еще полшага – и вы утратите свою индивидуальность, просто растворитесь в чужих мыслях и требованиях?

- Три года назад на Зальбургском фестивале во время постановки «Свадьбы Фигаро» было такое предчувствие. Там, понимаете, случилась другая крайность: сплошные разочарования от работы с режиссером Люком Бонди, обманутые ожидания. У меня опускались руки. Там был такой разброд и анархия, что выживал сильнейший. А со стороны режиссера говорилось, как все прекрасно, какой ты гениальный, как все здорово и замечательно. Я был очень разочарован.

- Когда приезжаешь по контракту, который был заключен года два-три назад, и понимаешь, что ни партнеры, ни дирижер, ни режиссер не отвечают твоим мыслям, представления, фантазиям, - что нужно делать? Ведь нельзя же от всего отказываться?

- Нельзя. Я, во всяком случае, не отказываюсь. Из любого положения есть выход. Прежде всего за счет своего собственного «я». Поверьте, что на плечах даже одного человека, будь то режиссер, дирижер или артист, можно достаточно благополучно вытянуть любой спектакль. Личность – понятие не последнее.

Полька-бабочка на помойке

- В чем будет выражаться ваше сотрудничество с только что созданным фондом Свиридова, где представлены в качестве члена его попечительского совета?

- Фонду нужно только мое имя, даже не мои деньги. Все, что я могу сделать, это отдать свой голос. Конечно, это важно, что у меня есть искреннее уважение и доверие к тем людям, которые стоят во главе этого фонда. Прежде всего к вдове композитора Эльзе Свиридовой. А имена банкиров, их благонадежность, поверьте, меня интересуют в меньшей мере и абсолютно не касаются. Ни одной копейки я от них не получил.

- Вы стремитесь к тому, чтобы все сделанное вами на концертной эстраде было записано?

- Не то что стремлюсь. Просто считаю это некоторым логическим завершением этапов моей карьеры. Как, допустим, романсы Чайковского и Рахманинова или итальянская музыка, которую я пел достаточно долго. И, слава богу, мне удалось записать эти работы. Ну, а со Свиридовым сложилась особая ситуация: на протяжении пяти лет везде, где бы я

ни выступал, я исполняю его музыку. Иногда вопреки воле менеджеров навязываю свиридовские программы. Но, как правило, они имеют феерический успех. После концертов люди начинают интересоваться музыкой Свиридова. Но, как и везде, преодоление инерции забирает очень много энергии.

- Это, наверное, в меньшей степени касается оперного репертуара?

- Да. Ведь оперному репертуару, как правило, уже около ста лет. А чтобы понять и полюбить новую звучащую музыку, тем более новую оперную, новый оперный стиль, очень много и многим требуется биться лбами в разные стены. В камерном жанре все гораздо мобильнее. Все-таки опера – жанр достаточно трудный для восприятия, хотя и великий.

- Только ли элитарной переориентацией жанра можно объяснить то, что Пуччини до сих пор остается последним классиком оперы?

- Жанр действительно перекосило именно в сторону элитарности, усложнения специфики. И, естественно, не только саму оперу как театральный жанр, а прежде всего музыку. Музыкальный язык чрезмерно усложнился. Поэтому еще улавливаемые в пуччиниевских гармониях и мелодиях запоминающиеся «крючки», которые повисают у тебя в голове и уже не уходят из тебя никогда, как народные неаполитанские песни или музыка Верди, превратились в канонические, любимые мелодии. Они совершенно удивительным образом запоминаются и воспринимаются любым человеком. А чтобы ухо воспринимало новую музыку, требуется воспитание, то есть определенное время для привыкания к новым гармониям.

- А это нужно? Или все-таки будущее за возвратом к мелодическим традициям?

- Конечно, нужно. Ведь музыка Прокофьева, которую мы сейчас считаем в достаточной степени мелодичной – взять, к примеру, оперу «Война и мир», в которой я совсем скоро буду петь Болконского в «Metropolitan», - когда-то называлась футбольной или даже барабанной. Сейчас об этом уже мало кто вспоминает.

- Что же тогда нужно сделать, чтобы публика предпочла познание узнаванию?

- Судя по тому, что происходит, нынешний стиль жизни как раз преобразуется в абсолютно противоположную сторону. Когда само познание чего-то нового, здесь я, естественно, говорю о музыке, почти немислимо. События движутся по направлению наименьшего сопротивления – когда жевательная резинка заменяет шоколад и представляется как интересный деликатес.

- Откуда эта потребность судить об искусстве теми же мерками, что и об утилитарных вещах нашего быта?

- Видно, люди считают это для себя абсолютно равными, одинаковыми вещами. Так легче. Просто в силу незнания, что ли. В принципе, я даже склонен говорить не о признаках вырождения оперного жанра, а о признаках вырождения человеческой культуры.

- Поглощение массовой культурой?

- Помойкой абсолютной...

- Вы не считаете достойным компромиссом альянсы типа концертов «трех теноров» на стадионах?

- Это опять же направление в сторону жевательной резинки. Думаю, что варианты могут быть гораздо интереснее и продуманнее. Это не путь к лучшим целям, а компромиссы не в ту сторону.

- А какими компромиссы должны быть «в ту сторону»?

- Не знаю. Не потому, что не думаю об этом. Именно потому, что слишком много размышляю об этом, я в абсолютном тупике. Говорят: извините, классическая музыка сейчас никому не нужна и почему бы вам не станцевать «польку-бабочку». В принципе, мое будущее, будущее моих коллег, моих друзей, зависит как раз от ответа на это неприличное предложение. И будущее новых поколений музыкантов выглядит смутным.

- Именно с этим и связан звукозаписывающий кризис в мире, когда никто ничего вообще записывать не хочет. А ведь это единственная возможность сохранить музыкальное исполнение для истории.

- Как раз по этому поводу я и страдаю.

- Здесь ваших «звездных» прав не хватает диктовать условия?

- Все мои права упираются в одну вещь. В те самые денежные знаки, определяющие реальность: нет спроса, ибо нет определенных затрат на рекламную работу, нет фантазии. Интересные талантливые люди уходят в другой бизнес и зарабатывают там больше. Приходится работать с людьми посредственного интеллекта и фантазии. Поэтому все медленно идет к краху.

- Ваше очевидное неудовольствие работой «Philips», с которой вы сотрудничаете уже почти десять лет, позволяет ли вам обращать внимание на другие звукозаписывающие фирмы?

- В целом я очень доволен этими годами работы с «Philips», но тотальный кризис отразился и на ней. Теперь у меня нет полного эксклюзива с «Philips». Да и контракты скоро истекают. Однако свет не сошелся клином на них. Я имею полную свободу выбирать репертуар с другими компаниями. Поверьте, предложения мне сыплются одно за другим. Пока я только выбираю. Может быть, зря так поступаю, но сейчас у меня голова другим забита.

- Чем же?

- Не записываясь в таком бешеном ритме, как раньше, я использую освободившееся время для очень углубленного и, в общем-то, трудного для меня познания мира музыки.

Главное событие в жизни

- Музыка вытесняет иные способы мироощущения?

- Для меня нет. Но по своему призванию, физике ума, я – гуманитарий, поэтому всем, что связано с математикой, химией, физикой, даже вождением автомобиля, я могу восторгаться только со стороны. А литература, живопись и архитектура меня захватывают.

Но прежде всего литература. Чем дальше, тем больше. С ней связано очень много. Правда, интерес мой достаточно хаотичен, перепрыгивает с одного на другое. До сих пор какие-то в моих взглядах на литературу есть позиция полного профана. Но именно тут преобладает эмоциональная сторона, которая дает мне пищу для ума, заряжает на очень многое в моей не только творческой жизни.

- Когда живешь все время на эмоциях, есть вещи, которые перестают волновать напрочь?

- Скорее, наоборот, отношение ко всему становится гораздо острее, утонченнее и больше.

- А какие вещи вы делаете в жизни наизусть?

- Автоматически передвигаюсь по пространству аэропортов и самолетов.

- Я имею в виду нечто менее утилитарное... Ну, допустим, вы любите наизусть?

- Да. Люблю наизусть. (Смеясь)

- Разве это смешно?

- Да нет, конечно. Любовь всегда главное событие в жизни.

- А что есть любовь?

- Гармония, идеальное состояние души.

- Сотворение себе идеала?

- Необязательно. Скорее всего – нет. Любовь для меня не идеализирована.

- Соединение идеала с действительностью невозможно зафиксировать сознанием?

- Для меня это неуловимо. Я не могу ни понять, ни поверить в то, что люди могут часами думать о происшедшем: «Вот идеал. Вот чудо». Анализировать это, пытаюсь что-то выразить словами. Дико совершенно. Но с другой стороны, наверное, это тоже искусство.

- А чудо есть на самом деле?

- Нет.

- А самое сильное музыкальное впечатление от самого себя?

- Музыкальное впечатление?... Давайте не будем говорить «про самого себя». Ибо, как правило, удачи в искусстве делаются вдруг, когда ты перерождаешься в некоторую субстанцию, которая начинает действовать помимо тебя, но на проведенной тобой работе. Ты уже являешься лишь проводником и чувствуешь, что должен не дрогнуть, дойти до конца. Тогда все будет хорошо. С другой стороны, все это может сорваться – ты можешь уронить абсолютно тонкую, невесомую нить «проводника».

- Какой оттенок вашей профессии для вас сильнее: трагический или оптимистический?

- Наверное, трагический. Наиболее ярко выражены для меня волны, импульсы, как правило, связанные с трагизмом. А может быть, потому, что для человека русского языка, русской литературы, трагическое является шоком, наиболее сильным побуждением.

- Значит, для художника обязательно быть трагиком?
- Да, он должен уметь это чувствовать. Опять же, говоря о самом процессе искусства, того, что рождается на выходе из реальности, на преодолении предсказуемого. И, как правило, для меня это происходит в трагической плоскости.
- Вы считаете себя приверженцем ночной или дневной стороны жизни?
- Ночной, потому что, во-первых, я «сова». Во-вторых, профессия у меня, в принципе, «ночная». И самое главное – лучше думается, интереснее творится, когда наступает ночь.
- Больше ваших врагов спит?
- Нет. Я даже не хочу думать о том, что у меня есть враги...
- Почему, когда актер достигает каких-то вершин в своем деле, люди начинают от него требовать ответов на все вопросы жизни?
- Людям просто свойственно идеализировать подобных субъектов.
- Куда вы сейчас направляетесь?
- В Лондон. К детишкам. К жене. Всего на пару дней, а потом в Нью-Йорк – работать.
- А когда человек устает искать то, чего нет?
- Никогда не устает. Потому что всегда ищет лучшее. А то, что уже получилось, - это не лучшее. Это – просто прошлое.